

УДК 502.7

О некоторых терминах, проблемах и практике заповедного дела

Альфред Дулицький

Про деякі терміни, проблеми й практику заповідної справи. — Дулицький А. — У сучасній концепції і системі природних заповідників (ПЗ) нагромадилося багато проблем: недостатнє фінансування, порушення статусу недоторканності, малі розміри, порушення природного балансу між копитними і вовком та інше. Вирішувати проблему балансу в ПЗ треба тільки шляхом природного екологічного самовідновлення. Потрібний радикальний перегляд концепції заповідної справи. Підміна ПЗ національними парками з дозволеною господарською діяльністю несе загрозу перетворення їх у фактичні мисливські господарства, зникнення в країні ООПТ вищого рангу. Пропонується основною задачею ПЗ визначити відновлення компонентної повноцінності екосистем. Площу ПЗ треба збільшити до екологічно обумовлених меж. Треба припинити будь-яке втручання в заповідні екосистеми тощо. Необхідно: а) поліпшити фінансування і підбір фахівців, б) підкорити всі заповідники Національній академії наук або спеціальному міністерству в) створити при Національній академії наук Науково-дослідний інститут екології, раціонального природокористування і заповідної справи.

Ключові слова: природний заповідник, екосистема, відновлення екосистем, статус заповідника.

Адреса: ПФ Кримський Агротехнологічний університет НАУ, смт. Аграрне, м. Сімферополь, АР Крим, Україна, 95492; E-mail: oblako@home.cris.net (для Дулицького);

About some terms, problems and practice of reserved business. — Dulitsky A. — In the modern concept and system of natural reserves many problems have collected: insufficient financing, infringement of the status of inviolability, small sizes, infringement of natural balance between ungulates and wolf, etc. To solve a problem of balance in natural reserves it is necessary only by natural ecological self-restoration. The radical reconsideration of the concept of reserved business is necessary. The substitution of natural reserves is fraught with national parks with the solved economic activity by transformation them in actual hunting economy and to disappearance in the country of natural reserves of a maximum rank. It is offered: the basic task of natural reserves should become complete reconstruction all a component ecosystems. The area of natural reserves should be increased up to the ecologically caused borders. It is necessary to stop any intervention in reserved ecosystems etc. It is necessary: a) To improve financing and selection of the specialists, b) all natural reserves to subordinate of a National academy of sciences or special ministry c) to create at a National academy of sciences Research institute of ecology, rational nature management and reserved business.

Key words: natural reserve, ecosystem, reconstruction of ecosystems, status of reserve.

Address: Southern branch "Crimean Agro-technological university" of the National agrarian university, Simferopol, hostel Agrarne, AR Crimea, Ukraine, 95492; E-mail: oblako@home.cris.net (for Dulitsky).

Существующая в настоящее время категориальная система объектов природно-заповедного фонда складывалась в течение многих лет еще в условиях социалистической общественно-политической формации. На сегодняшний день она не отражает возможностей, проблематики и задач многих современных учреждений и объектов, особо охраняемых природных территорий (Дулицький, 2002, 2005, Никифоров, Волошин, 2005), а самое главное — как-то "растеклась", деформировалась, аморфизировалась сама концепция заповедности, по крайней мере, в отношении некоторых категорий, в первую очередь, — высшей категории "природный заповедник". Бюджетное финансирование этих объектов осуществляется по остаточному принципу и в подавляющем большинстве случаев ограничивается расходами на выплату заработной платы штатному персоналу.

Внебюджетное финансирование (т. н. самофинансирование) осуществляется также совершенно неудовлетворительно. Созданные при областных (и Крымском Рескомэкологии) управлениях экологии "экологические фонды", накапливают кое-какие суммы, однако эти организации зачастую не знают, куда их девать (в рамках декларируемых для этого направлений) и либо неэффективно их тратят, либо просто... накапливают.

Заповедники остаются на голодном пайке. Объективная необходимость выживания ориентирует их на развитие предпринимательства в рамках ООПТ любого ранга, вплоть до природных заповедников, что совершенно не характерно, недопустимо для их статуса. Но и такая деятельность фактически не оказывает положительного влияния на их финансовое положение, поскольку зачастую эта деятельность лишь обосновывается существующим положением вещей, а на деле имеет совершенно иную, в отдельных случаях даже криминальную направленность. Как бы то ни было, но отрицательный эффект от этой не свойственной заповедникам деятельности совершенно очевиден — она дискредитирует идеи охраны природы и статус заповедных территорий наивысшей, неприкосновенной категории. Получается такая формула: "нужна строгая заповедная охрана (!), но если рекреанты платят, — то она (оказывается) и не нужна"... Во всяком случае, так думают те, кто платит. И как же тогда убеждать местных жителей, когда они только криво усмеваются и природоохранники пытаются убедить их в том, что заповедники нужны, что для заповедования они должны соглашаться отдавать часть общественных земель и т.п. Их недоверие — результат игнорирования принципов заповедности самими службами заповедников. Снова мы разворачиваем наших сограждан, демонстрируя им двойную мораль, декларируя и проповедуя неприкосновенность ООПТ, а на самом деле используя эти территории для мелочной и противозаконной торговли их рекреационными ресурсами.

В качестве обоснования чиновники любого уровня от заповедной охраны (местами вплоть до администрации самих охраняемых территорий) и некоторые лоббируемые ими ученые предлагают в качестве примера для подражания зарубежный опыт. Но слепое копирование западных образцов деятельности по охране природы не может у нас дать аналогичного эффекта, поскольку у нас несравнимые ментальности, психология, социальные условия. Мы должны искать пути, соответствующие нашему образу мышления, нашим конкретным условиям.

Что же такое Заповедник? По изначальному, первичному определению — это нетронутая территория, на которой не ведется никакая деятельность. Это этимологически возникшее определение. Вот как этот термин определяется в Биологическом энциклопедическом словаре (1986): "Охраняемая природная территория (акватория), на которой сохраняется в *естественном состоянии* весь природный комплекс — типичные или редкие для данной зоны ландшафты, редкие и ценные виды животных и растений и пр. Главная задача заповедников — *сохранение и восстановление эталонных природных экосистем*, а также свойственного для данного региона *генофонда организмов*. В СССР территории заповедников навечно изымаются из хозяйственного пользования, в заповедниках *запрещена всякая охота*, ловля животных, пастьба скота, рубка деревьев, сбор различных растений, сенокосение и пр." (разрядка моя — А. Д.).

Как можно видеть из неискаженного определения, в настоящее время в нашей стране игнорируются, нарушаются практически все перечисленные запреты:

- почти нет заповедников, в которых бы сохранялся весь природный комплекс (в первую очередь это относится к тем заповедникам, где есть копытные, но уничтожен волк);
- эталонные природные экосистемы (вернее, то, что сохранилось от них на данный момент) худобедно сохраняются, но практически нигде не осуществляется их восстановление — не реакклиматизируются утраченные крупные хищники, не совершается попыток избавиться от адвентивных и рудеральных видов. Более того, до недавнего времени велось интенсивное расселение чуждых для целых регионов видов, и работа эта зачастую базировалась на территориях заповедников; полностью игнорируется запрет разрушения уникальных ландшафтов и целых экосистем под давлением техногенных отраслей хозяйства (проекты Дунайского канала, морских портов на Донузлаве и на Тобечикском озере, "перехода" через Керченский пролив, изъятия части территории Ялтинского заповедника для нужд курорта и многое другое);
- сохранение региональных генофондов осуществляется исключительно декларативно;

- практически нет ни одного заповедника на просторах бывшего Советского Союза, в т.ч. и Украины, на территории которых не оказывалось бы постоянное давление и претензии на изъятие со стороны других землепользователей, и территории которых и сокращались и увеличивались отнюдь не всегда в согласии с существующими в определении запретами (можно вспомнить историю целинной степи в Аскании-Нова..., и другие);
- во многих, если не во всех, заповедниках велась и по разным мотивам ведется охота и/или отлов животных или осуществляются неуклюжие попытки обоснования ее "объективной необходимости" под предлогом защиты экосистем от чрезмерно размножившихся копытных (дискуссии 70–80-х годов XX в.; (Иванов, 2004) и др.);
- осуществляются хоть какие-нибудь виды рубок леса, не говоря об отдельных деревьях, производятся сбор растений и сенокосение.

Когда стало видно, что соблюдать перечисленные запреты, не вмешиваться в жизнь биогеоценозов, объявленных заповедными, "нельзя" — был найден весьма не оригинальный путь "решения проблемы" — стали постепенно урезать, искажать, "обезвреживать" термин "заповедник", приспособив к пониманию (очень нередко подсказанному "сверху") отдельных авторитетных ученых, мыслителей и даже просто не очень компетентных, но облеченных властью людей.

Но искажение первичного значения слов всегда ведет к его "затиранию" от частого и неточного употребления. И возникает, формируется его новое, обиходное понимание, которое ничем уже не связано с исходным и непохоже на его фактическую суть. Происходит трансформация и девальвация термина. Одновременно с этим постепенно, но неотвратно наступает меньшая его "стоимость".

Сначала в формулировку термина добавляется возможность в исключительных случаях осуществлять какую-либо деятельность, направленную на недопущение "ухудшения экологической обстановки" или "деградации местообитаний некоторых видов", причем вначале это зачастую виды, которые представляют собой вполне съедобный мясной ресурс.

Впоследствии аргументы в защиту конъюнктурного интереса расширяются и за счет "бескорыстно" охраняемых видов. Но вот что бросается в глаза, когда нужно регулировать, охранять "съедобные" виды, приведенная схема переформулирования термина срывается. Когда же дело касается иных видов, не представляющих в данный момент реальной ценности (то ли ввиду его редкости из-за малого ареала, то ли ввиду недостаточного знакомства с его "потребительскими" с точки зрения человека качествами), то все равно все оборачивается регулированием численности "виноватых" в этом "съедобных" видов, или видов, которые сами претендуют на этот съедобный ресурс (хищников; у нас, в частности, волка). При этом практически не рассматривается вопрос о восстановлении естественной трофической пирамиды, что и было бы одним из направлений деятельности по восстановлению исходных экосистем. Но нынешний человек не в состоянии отдать "кесарю кесарево", отдать хищнику его естественную долю.

Причины понятны: абсолютное большинство заповедников расположены на площадях настолько малых, что ни о какой естественной полноценной экосистеме зачастую речь идти не может. Тот же волк, конечно, не сможет жить на каких-то 30–40 тысячах гектаров (даже и такого размера заповедников у нас мало, а подавляющее большинство остальных — и того меньше). Он наверняка выйдет за пределы заповедника и начнет брать свою часть у другого естественного владельца — у крестьянина или иного сельхозпроизводителя. А этого терпеть никто не захочет, потому что у нас (в отличие от тех же западных моделей) не внедрена система компенсации ущерба, наносимого производителем сельхозпродукции в зонах охраняемых территорий обитателями последних.

Без волка копытные в условиях малюсеньких, и маленьких, и даже относительно больших заповедников быстро наращивают свою численность, достигающую (и даже превосходящую) предельно хозяйственно и экологически допустимых пределов. В результате начинается их деструктивное влияние на собственную среду обитания, приводящее к ее деградации (Костин, 1969 и др.).

Что делать? Вопрос этот вставал не один раз. И ни разу дискуссия по этому поводу не была доведена до логического конца. Окончательный ответ в пользу хищника формировался все более отчетливо, но... В такие моменты споры каким-то непонятным образом затухали и все возвращалось на круги своя. Так что же делать? Возможных ответов два.

1. **Брать на себя роль регулятора численности, роль волка или иного крупного хищника-мясоеда.** В содержание (толкование) термина вводится *возможность отстрела и отлова копытных в заповедниках* под видом селекционной работы, которой в заповеднике фактически быть не должно, поскольку по своему смыслу селекция — это отнюдь не безобидное для популяции мероприятие. Проводя селекцию, человек изменяет дикий вид по своему разумению и усмотрению. Искусственная селекция направлена на достижение животными определенных, заданных физических кондиций, которые сродни тому, что было сотворено в Аскании-Нова при "конструировании" так называемого "асканийского марала".

2. **Стать на изначальный путь естественной эволюционной селекции.** Тогда приходится признать, что *лучший селекционер — волк!* Для принятия такого решения необходима смелость, поскольку такое решение потребует радикального пересмотра концепции заповедников и главным вопросом при этом станет величина их площади. Хотя и в пределах заповедника, но волк должен быть свободен. Только в таком случае можно будет избежать его влияния на сельскохозяйственных животных. В тех случаях, когда волку станет "тесно", его придется уничтожать. С этим придется смириться, если это будет вне его "резервации". Да речь идет, собственно не о защите волка, как вида (пока!)¹, а о защите биоценологических комплексов заповедников.

Но копытные — это мясо, много мяса! Во-первых, его можно и нужно реализовывать, а во-вторых, есть очень немало охотников, которые согласны платить даже не столько за мясо, сколько за процесс охоты на копытных. Но если есть люди, согласные платить, как же не использовать плывущие в руки средства!? И вновь происходит заимствование западной идеи создания национальных парков с разрешенной хозяйственной деятельностью. Безусловно, такие учреждения нужны. Но они должны не только называться, но и функционировать так же продуманно, четко и строго, как на западе. А, помимо того, что самое главное, это — не заповедники! У них и задачи, и предназначение, и функции совершенно иные, совершенно не сравнимые с таковыми у заповедников. Это *принципиально иная категория особо охраняемых территорий*.

В последние примерно сто лет проблему копытных почувствовали и испытали почти все заповедники, в которых нарушен естественный баланс видов-хищников и видов-жертв, и почти везде проводилось и/или до сих пор проводится сокращение численности копытных. То есть, если называть вещи своими именами, на заповедных территориях осуществляется эксплуатация фауны копытных! И никакой альтернативы этому не выдвигается и не разрабатывается. Более того, сейчас активно обсуждается намерение придать этой деятельности законный статус и разрешить ее проведение на основе коммерческих взаимоотношений. Происходит самообман вековой продолжительности. При этом альтернативные мнения не принимаются во внимание администрациями заповедников² и осуществляются массированные попытки решить этот принципиальный спор методами "демократического волеизъявления". Легко понять, что эта точка зрения при таком абсурдном подходе будет решена в пользу значительно более понятных интересов, более многочисленных и облеченных властью (пусть даже властью денег) и влиянием сторонников охоты в заповедниках.

Но, во-первых, научные споры *не могут и не должны* решаться большинством, особенно если оно движимо потребительским инстинктом. А во-вторых, такая деградация природоохранной идеи заповедности будет означать, что *de facto* заповедники, в фауне которых имеются охотничьи виды, превратятся в элементарные, на первых порах элитные, охотничьи хозяйства. Это означает, что, по крайней мере, в нашей стране исчезнут так называемые ООПТ самой высокой категории охраны.

¹ В настоящее время наблюдается парадоксальная ситуация: численность волка растет, но отнюдь не на тех территориях, где он экологически необходим, а в зоне хозяйственной деятельности. Так, на севере (в Красно-перекопском р-не) и на крайнем востоке Крыма (на Керченском п-ове) в конце октября 2005 года, по данным инженера-охотоведа Крымского республиканского комитета по лесному и охотничьему хозяйству С. И. Решетько, было отстреляно 5 волков. То есть можно сделать предварительное заключение о том, что волк распространился уже практически по всему Крыму.

² Как это произошло, например, в Карадагском природном заповеднике — опубликованы мнения, соответствующие намерениям и пониманию администрации (Иванов, 2004), и не приняты во внимание мнения оппонентов, как из числа сотрудников заповедников, так и сторонних.

Еще раз хочу подчеркнуть: главных причин прозябания заповедного дела в стране две — отсутствие системности и недостаточное финансирование. Но даже и при наличии последнего без налаживания первого успеха нам не добиться. Как же быть? Где выход из создавшегося положения? Боюсь, что в настоящее время такого ответа нет (по выше названным причинам).

Но вырисовывается следующая концепция.

1. Следует из высших государственных соображений, из высших моральных побуждений восстановить неприкосновенность заповедников. Не только в смысле регулирования численности каких бы то ни было видов, но и вообще в смысле проведения любой деятельности кроме научной, которая также должна ограничиваться исключительно дистанционными методами с минимальной долей присутствия исследователей в экосистеме, что при современном уровне развития исследовательских методов и средств вполне возможно.

2. Следует постепенно, но не растягивая это на века, расширить территории существующих заповедников до хотя бы минимальных экологически обусловленных размеров. Следует особо отметить бессмысленность административного разграничения двух (или более) заповедников, представляющих единое целое, то есть имеющих общую, пусть даже небольшой протяженности границу³. Следует отойти от принципа административно-территориальной привязки территорий заповедников и от необходимости получать разрешение местных, как правило, совершенно некомпетентных в вопросах экологии и заповедного дела администраций. Интересы сохранения уникальных экосистем находятся на высшем, государственном уровне, а обсуждаются эти вопросы на уровне местных, локальных (иногда мелко локальных) интересов. В случаях нанесения заповедованием ущерба, поддающегося учету и обоснованию размеров, местным интересам, государство должно взять на себя систему и сам факт компенсации этого неудобства единоразово или даже регулярно.

3. Следует вменить заповедникам в обязанность полное или насколько возможно полное восстановление компонентной полноценности их экосистем, восстановление на их территориях популяций крупных хищников — вершин трофической пирамиды — естественным путем или путем реаклиматизации. Эта задача куда более важная и существенная, чем та, которая стоит перед заповедниками в настоящее время — ведение Летописи природы. Эта задача имеет смысл в двух случаях: во-первых, когда экосистема полная, не ущемленная, а во-вторых, — когда экосистема ущемленная, но наблюдения фиксируются для того, чтобы иметь возможность делать выводы для целей восстановления целостности такой экосистемы. То, как ведется Летопись природы в заповедниках сейчас, не имеет реального смысла, разве что фиксировать дальнейшую деградацию экосистем.

4. Не следует предпринимать никаких попыток вмешательства в функционирование заповедных экосистем на основании аргументов об изменениях, разрушениях, деградациях этих экосистем. Ни в одном заповеднике, ни разу не был отслежен этот процесс деградации и разрушения до конца (да и есть ли этот конец?!) и следующих за ним процессов! Вряд ли наступление таких разрушений они возможны в экосистемах с полным трофическим циклом. Если, конечно, мы говорим о настоящем заповеднике.

5. Следует пересмотреть вопрос о существовании "точечных" так называемых заповедников. В заповедниках сохраняются и охраняются экосистемы и виды, в том числе и крупные. Сохранять "урезанные", обезглавленные экосистемы бессмысленно. Это, согласно существующим природоохранным документам, должно осуществляться в *любом* современном *лесном, лесохозяйственном или охотничьем хозяйстве*.

³ Как это имеет место, например, в случае соприкосновения территорий Крымского и Ялтинского заповедников. Абсурдность ситуации в данном случае подчеркивается еще и тем, что сам Крымский природный заповедник состоит из двух территориально значительно разобщенных частей: филиал заповедника "Лебяжий остров" удален от основной части почти на 200 км и по многим параметрам сильно от нее отличается: по административной принадлежности, истории, назначению, значению, рельефу, экосистемам и т.д. То есть по многим весьма существенным соображениям Лебяжий остров вполне могли бы иметь свое юридическое лицо, но этого нет. А соседний самостоятельный Ялтинский заповедник вплотную примыкает к Крымскому и по большинству параметров представляет с ним единое целое. Эта несуразность по непонятным причинам в течение многих лет игнорируется.

В маленьких заповедниках эта функция никогда не сможет осуществляться полноценно: от малейших заповедников — ни малейшего толка в экологическом отношении. В тех случаях, когда охраняются локальные абиотические объекты или узкоареальные виды, существующие мелкие ООПТ должны получить иной, пусть даже высокий охранный статус, но они не имеют этимологического права именоваться заповедниками.

6. Штаты заповедников должны быть укомплектованы двумя основными категориями сотрудников: лесной охраной и научными сотрудниками. Администрация заповедников должна быть минимальной по существующим нормам административного и бухгалтерского обслуживания. Как работники лесной охраны, так и научные сотрудники должны быть специально подготовленными специалистами в своей сфере, а руководителем заповедника непременно должен быть человек, имеющий соответствующее образование, опыт работы в заповедном деле, проявляющий интерес к предмету своих занятий. Совершенно недопустимо, чтобы на должность директора заповедника назначались отставные морские или армейские офицеры, офицеры и генералы силовых ведомств, партийные функционеры, школьные работники не биологического или географического образования и/или любые иные случайные люди.

7. Все заповедники высшего природоохранного ранга должны находиться в ведении Национальной Академии наук или, в крайнем случае, в ведении специализированного министерства, отвечающего за природопользование и/или охрану природы. Следует решительно отказаться от пагубной практики ведомственной разобщенности заповедников высшего природоохранного ранга. Идеальным было бы решение Верховной Рады об учреждении отдельного независимого Министерства заповедников, работающего под научным кураторством Национальной академии наук⁴.

8. В стране назрела острая необходимость учреждения при Национальной Академии наук Научно-исследовательского института экологии, рационального природопользования и заповедного дела.

Литература

- Биологический энциклопедический словарь* / Гл. ред. М. С. Гиляров. — Москва: Советская энциклопедия, 1986. — С. 1–831.
- Дулицкий А. И.* Искусственно созданные объекты охраны природы // Заповедники Крыма: Биоразнообразие на приоритетных территориях, 5 лет после Гурзуфа: Материалы 2-й научной конференции (25–26 апр. 2002 г., Симферополь, Крым). — Симферополь, 2002. — С. 63–65.
- Дулицкий А.* Про статус штучно створених об'єктів охорони природи // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія Біологія. — 2005. — Випуск 17. — С. 82–85.
- Иванов С. П.* и др. Проблема избытка диких копытных на заповедных территориях // Карадаг. История, геология, ботаника, зоология (Сборник научных статей, посвященный 90-летию научной станции им. Т. И. Вяземского и 25-летию Карадагского природного заповедника НАН Украины). — Симферополь: СОНАТ, 2004. — Книга 1. — С. 446–463.
- Костин Ю. В.* Некоторые аспекты проблемы "хищник-жертва" в охотничьем и лесном хозяйстве горного Крыма // Тезисы докладов и сообщений на симпозиумах IX Международного конгресса биологов-охотоведов. — Москва, 1969. — С. 19–21.
- Никифоров А. Р., Волошин Р. Р.* Парки-памятники садово-паркового искусства и природно-заповедный фонд // Заповедники Крыма: заповедное дело, биоразнообразие, экообразование. Материалы 3 научной конференции (22 апреля 2005 г., Симферополь, Крым). — Симферополь, 2005. — Часть 1. — С. 76–79.

Надійшло до редакції: 24 листопада 2005 р.

⁴ Очевидно, що обсяг об'єктів і територій ПЗФ вимагають більшої уваги, проте конструктивність цієї тези не очевидна: по-перше, існує Управління заповідної справи при Міністерстві екології; про друге, Національна академія наук переживає не найкращі тенденції до переходу з державної організації у громадську (*Прим. ред.*).